

КАРА ФОН КЛАУЗЕВИЦ

ПРИНЦИПЫ
ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Карл фон Клаузевиц

Принципы ведения войны

«Центрполиграф»

1812, 1832

УДК 355
ББК 68

фон Клаузевиц К.

Принципы ведения войны / К. фон Клаузевиц —
«Центрполиграф», 1812, 1832

ISBN 978-5-227-07694-6

В своей книге автор всесторонне рассматривает природу войны, подчеркивая решающее значение военного гения в исходе сражения. Четко и ясно излагая важность плана войны, взаимосвязь войны и политики, стратегию и тактику ведения войны, включая организацию боя, виды и способы наступления и обороны, Клаузевиц определяет и поясняет термины профессионального военного языка, что придает его книге характер превосходного справочного руководства. Отводя значительную часть книги оценке моральных факторов ведения войны, он подчеркивает необходимость таких качеств, как мужество, отвага и самопожертвование, обращает внимание на важность армейского кодекса чести, боевого духа и общественного мнения. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 355
ББК 68

ISBN 978-5-227-07694-6

© фон Клаузевиц К., 1812, 1832
© Центрполиграф, 1812, 1832

Содержание

Предисловие	6
Из книги «О войне»	10
Глава 1. О природе войны	10
Военный гений	10
Опасность и напряжение сил во время войны	15
Информация во время войны	16
Препятствия и помехи на войне	16
Глава 2. О теории ведения войны	19
Ветви военного искусства	19
Теория ведения войны	21
Моральные качества на войне	22
Глава 3. О стратегии в общем	25
Стратегия (определение)	25
Моральные качества и воинская доблесть	27
Храбрость	30
Численное превосходство	32
Внезапность	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Карл фон Клаузевиц

Принципы ведения войны

© Перевод, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

Предисловие

Карл фон Клаузевиц, духовный отец германской армии, долго считался одним из величайших и самых оригинальных авторов, писавших на тему войны. «Только если мы поймем природу войны в духе Клаузевица, мы можем надеяться поддержать наше существование в том случае, если суровая необходимость снова заставит нас взять в руки меч». Это слова, обращенные к германской армии и германскому народу.

Жизнь Клаузевица была жизнью солдата. Она редко была счастливой, никогда не была легкой, а его самая сокровенная мечта, занять влиятельное положение и претворить в жизнь свои идеи относительно теории и ведения войны, так и не осуществилась.

Родившийся в 1780 году в семье прусского офицера, Клаузевиц поступил на военную службу, когда ему было всего двенадцать лет. После участия в войне 1-й коалиции против Франции в 1793–1794 годах он несколько трудных и не богатых событиями лет служил офицером в небольшом гарнизоне города Нойруппин. Этот период он использовал для того, чтобы пополнить свое несовершенное образование, внимательно изучая сочинения короля Фридриха II Прусского, чьим характером и понятиями о долге он восхищался.

В 1801 году он поступил во Всеобщее военное училище (Кригсшуле) в Берлине, готовившее офицеров. Недостаточная подготовка, а также финансовые трудности делали жизнь очень нелегкой и добавили пессимизма к его слишком чувствительному характеру. Через некоторое время, однако, один из преподавателей, великий Шарнхорст¹, признал блестящие способности Клаузевица, подружился с ним и оказал поддержку, в которой тот нуждался. В результате Клаузевиц стал одним из его лучших учеников и в 1803 году по рекомендации Шарнхорста был назначен адъютантом принца Августа Прусского. В этом качестве он сопровождал своего венценосного начальника в кампании 1806 года против Наполеона и попал в плен к французам.

После возвращения в Германию в 1807 году Клаузевиц тесно сотрудничал с Шарнхорстом, чьи идеи относительно военной теории и необходимости реформировать прусскую армию он разделял. Шарнхорст оказывал на Клаузевица глубокое влияние, и после смерти великого реформатора в 1813 году Клаузевиц считал себя во многих отношениях интеллектуальным наследником духовного «отца и друга». В 1810 году, по рекомендации Шарнхорста, Клаузевиц поступил преподавателем стратегии и тактики (в чине майора) в Офицерское военное училище. Это училище, основанное в 1810 году, выросло из более ранних офицерских школ и в конечном счете, было преобразовано в знаменитую Военную академию. Именно тогда Клаузевиц крепко подружился с генералом Гнейзенау, который, как и Шарнхорст, был одной из выдающихся фигур прусской армии и начальником штаба маршала Блюхера в кампаниях против Наполеона. Доказательством признания способностей Клаузевица служит его назначение военным наставником прусского кронпринца Фридриха Вильгельма (1795–1861, прусский король Фридрих Вильгельм IV с 1840 г.).

В эти годы произошло феноменальное восхождение Наполеона. Клаузевиц, глубоко восхищаясь Наполеоном как военным, не принимал его как диктатора. Поэтому, когда король Фридрих Вильгельм III в 1812 году заключил с Францией договор, Клаузевиц последовал примеру многих офицеров и ушел со службы в своей стране, впоследствии публично и мужественно защищая свой поступок. По пути в Россию, к новому месту службы в армии царя

¹ **Шарнхорст** Герхард Йоганн Давид (12 ноября 1755 г., Борденау, Ганновер – 28 июня 1813 г., Прага) – прусский генерал (1807) и военный реформатор. С июля 1807 г. начальник Генштаба и председатель комиссии по реорганизации армии, с 1808 г. возглавлял военное министерство. Вместе с генералом А. Гнейзенау провел военную реформу, в результате которой было подготовлено введение воинской повинности (с 1813), улучшена организация армии и подготовка офицеров, сокращен срок службы, создан обученный резерв, усовершенствовано вооружение, реорганизована тыловая служба. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией в 1813 г. был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера. (*Примеч. пер.*)

Александра I, сражавшейся против Наполеона, он составил наставления своему августейшему ученику, назвав их: «Важнейшие принципы ведения войны для завершения моего курса в образовании его королевского высочества кронпринца». Перевод этого труда приводится в этой книге.

В России Клаузевиц стал офицером, которому поручили организацию переговоров с прусским генералом Йорком, заключившим Таурогенскую конвенцию, в результате которой Пруссия снова оказалась в рядах сил, противостоящих Наполеону (до этого в 1812 г. Клаузевиц был квартирмейстером кавалерийского корпуса П. Палена, затем Ф. Уварова, участвовал в сражениях при Островно, Смоленске, Бородине). Клаузевиц принимал участие в освободительных войнах, сначала с русской армией, а потом в чине полковника армии своей страны. Как и его другу Шарнхорсту, ему никогда не доверяли руководства главными военными операциями, так что приходилось довольствоваться штабной работой. В качестве начальника штаба третьего армейского корпуса под командованием генерала Тильмана (Тилемана) он принял участие в битве при Ватерлоо и после заключения мира остался на этой должности до 1818 года.

Принимая во внимание сдержанность и застенчивость Клаузевица, снижавшие ему репутацию холодного и высокомерного человека, неизвестно, стал бы он успешным военачальником. Он был слишком чувствителен, может быть, слишком интеллектуален, в силу чего хорошо осознавал многоликость проблемы, чтобы обладать единством цели, которого сам же требовал от военачальника. С другой стороны, безграничная энергия и чувство реальности побуждали его претворять в жизнь свои идеи по военным вопросам. Невозможность сделать это стало причиной его недовольства и неудовлетворенности.

В 1818 году он получил чин генерал-майора и был вызван в Берлин, чтобы возглавить прусское Всеобщее военное училище. Эту должность он оставил только незадолго до смерти. Его обязанности, к сожалению, были ограничены руководством школой и давали мало возможностей для усовершенствования курса обучения в свете его революционных идей в области военного искусства. Лишенный этой возможности, Клаузевиц начал писать, видя в этом единственный способ выразить и развить свои идеи. Именно в этот период он написал обширные работы по военному делу, в том числе и самую знаменитую «О войне» (Vom Kriege).

Когда он еще писал эту книгу, его назначили начальником артиллерийской инспекции в Бреслау, а вскоре начальником штаба армии (с мая 1831 г.) фельдмаршала Гнейзенау, направленной в Позен² к границе с польскими землями Российской империи во время Польского восстания 1830–1831 годов. После подавления восстания в 1831 году он, серьезно заболев холерой, которую подхватил в Позене, 16 ноября 1831 года умер в Бреслау³, Силезия, «освободившись от жизни, как от тяжелого бремени».

Работы Клаузевица были опубликованы только после его смерти. Он понимал, что они представляют собой «революцию в области военной мысли», и его чувствительная натура боялась непонимания и некомпетентной критики современников. Его вдова, Мария фон Клаузевиц, понимающий друг и соратник в течение двадцати лет, опубликовала десять томов его сочинений между 1831 и 1837 годами.

Первые три из них, названные Vom Kriege, содержат суть мыслей Клаузевица «О войне» и составляют, по словам графа фон Шлиффена⁴, «по форме и содержанию величайшую из

² Позен – ныне Познань в Польше. (Примеч. пер.)

³ Бреслау – ныне Вроцлав в Польше. (Примеч. ред.)

⁴ Шлиффен Альфред фон (28 февраля 1833 г., Берлин, – 4 января 1913 г., там же) – германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1911). Окончил Офицерское училище (1853) и Военную академию (1861). В качестве офицера Генштаба участвовал в австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870–1871 гг. С 1884 г. начальник отдела германского Генштаба, в 1891–1905 гг. начальник Генштаба. С 1906 г. в отставке. Один из идеологов германского милитаризма. Теоретически обосновал т. н. стратегию уничтожения, направленную на достижение целей посредством двойного охвата, что в резуль-

когда-либо написанных работ о войне». Книга неполная, многие из ее специфических подробностей и иллюстраций устарели из-за невероятного технического прогресса, происшедшего со времени Клаузевица. Тем не менее, поскольку она была задумана не как специфическое руководство в области ведения военных операций, а скорее как философская оценка войны, она существует вне времени и сегодня имеет такое же значение.

Клаузевиц понимал, что Французская революция и ее наследник, Наполеон, оказали глубокое влияние на характер и методы ведения войны. Война больше не была процессом маневрирования относительно небольших армий с целью прийти к окончательному решению наименее кровавым и дорогостоящим способом отрезания противника от снабжения. Война стала схваткой больших армий, в которой элементы скорости и концентрации превосходящих сил (забытые со времени Фридриха II Великого) снова приобрели решающее значение. «Победа покупается кровью», а полную победу обеспечивает только уничтожение сил противника. Такова по Клаузевицу неограниченная война на уничтожение, его «абсолютная война». «Война есть насилие, доведенное до предела». Более того, этот акт насилия не отделяется от политической жизни нации, это не аномальная ситуация, а лишь осуществление политических целей насильственными методами, «просто продолжение политики иными средствами». Поэтому она должна быть продиктована политическими соображениями, а военное руководство армией должно быть подчинено политическому руководству государства.

Работа Клаузевица, по его собственным словам, является результатом «размышления и наблюдения, философии и опыта». Чтобы подтвердить свои обобщения, он постоянно ссылается на кампании, многие из которых он изучил досконально, а в некоторых участвовал сам. Но считать Клаузевица лишь интерпретатором достижений других, особенно Наполеона, означало бы недооценивать оригинальность его мысли и гибкость его идей. Он прекрасно понимал, что война изменится, как это не раз происходило в прошлом.

Значительная часть книги Клаузевица «О войне» посвящена оценке моральных факторов ведения войны. Эти разделы, в которых он рассматривает так называемые «моральные аспекты» войны, считаются самыми оригинальными и жизненными. По контрасту с акцентом, который в XVIII веке военная наука и военная теория делали на материальных силах и математических вычислениях, Клаузевиц подчеркивает необходимость таких нематериальных качеств, как мужество, отвага и самопожертвование, отлично сознавая огромную важность армейского кодекса чести, боевого духа и общественного мнения. Исключительные качества характера, глубокая преданность долгу и всестороннее образование являются необходимыми качествами военачальника. Они необходимы для преодоления возникающих сложностей, свойственных каждой войне, и принятия «героических решений, основанных на разуме», что является признаком истинного высшего руководителя.

Желание Клаузевица написать такую книгу о войне, «которая не будет забыта через два или три года», осуществилось. Он написал классический труд, который произвел глубокое впечатление не только на армию его страны, но также на армии других стран. Его идеи впервые претворил в жизнь Хельмут фон Мольтке-старший, начальник штаба прусской армии с 1858 по 1888 год; а успехи прусской армии в войнах 1864, 1866 и 1870–1871 годов считались доказательством правильности идей Клаузевица. Второй последователь Мольтке, граф Шлиффен, также был великим почитателем и учеником Клаузевица. Мольтке, учившийся у Клаузевица в военном училище, признавал, что надо внести некоторые поправки в теорию Клаузевица из-за технического, социального и экономического развития в результате промышленной революции. И Мольтке, и Шлиффен, например, понимали, что решение Клаузевица в пользу сосредоточенной фронтальной атаки теперь невыполнимо из-за оборонительной силы современного оружия, и предложили вместо этого уничтожение противника стратегическими

маневрами (знаменитый план Шлиффена 1905 года). Такие непредвзятые и широкие интерпретации принципов Клаузевица придают им непреходящее значение, независимо от того, насколько современные условия отличаются от условий времен Наполеона и Клаузевица. В 1937 году германский военный министр и главнокомандующий, генерал-фельдмаршал фон Бломберг, написал: «Несмотря на изменения военной организации и техники, книга Клаузевица «О войне» остается на все времена базисом для любого значительного развития военного искусства».

Очень важен и типичен постоянный акцент, который делает Клаузевиц на моральной стороне ведения войны. Его язык, язык человека, писавшего также романтические стихи, может для современного читателя иногда звучать странно. Но его совет: «Будь смел и хитер в своих планах, тверд и сдержан в их исполнении, решителен в нахождении достойного конца» никогда не потеряет своего значения.

*Ганс фон Гатцке
Кембридж, Массачусетс*

Из книги «О войне»

Глава 1. О природе войны

Военный гений

Каждое дело, если хочешь добиться успеха, требует особой квалификации и соответствующего духовного настроя. Когда эти качества достигают высшего порядка и проявляются в необыкновенных достижениях, человека, которому они принадлежат, называют гением.

Мы прекрасно знаем, что это слово по широте смысла и по его толкованию применяется во многих значениях. Но, поскольку мы не выдаем себя ни за философа, ни за филолога, позволим себе придерживаться значения, используемого в обыденном языке, и понимать под словом «гений» чрезвычайно высокие духовные способности к какому-либо роду деятельности.

Чтобы более полно раскрыть значение этого понятия и его содержание, необходимо кратко остановиться на этой способности, на этом высоком качестве души. Нам придется рассмотреть каждую из общих склонностей ума и души к военному делу, которые, собранные в одно целое, и представляют собой *суть военного гения*. Мы говорим «общую», потому что в том и заключается военный гений, что это не единственное качество, как, например, мужество, при отсутствии других умственных и духовных способностей или если все эти качества имеют направление, не пригодное для войны. Гений – это *гармоничное сочетание способностей*, в котором та или другая может преобладать, но ни одна не противодействует другой.

Чем менее развито общество, тем большую важность для него приобретает военная деятельность и поэтому, казалось бы, тем больше там должно было бы появляться военных гениев. Но это относится только к их числу, и никоим образом не к их степени, потому что уровень гениальности зависит от общего состояния и интеллектуальной культуры страны. Если взглянуть на дикие, воинственные народы, можно обнаружить, что воинственный дух там распространен больше, чем у цивилизованных народов. Но у нецивилизованных народов мы никогда не найдем по-настоящему великого генерала и очень редко то, что смело можно назвать военной гениальностью, потому что это требует развития умственных способностей, которого не встретишь у нецивилизованных народов. Само собой разумеется, цивилизованные народы тоже могут иметь тенденцию к воинственности; и чем больше она распространена, тем выше воинственный дух воинов их армий. Чем выше степень цивилизации наций, тем чаще они совершают самые блестящие военные подвиги, примером чему были римляне и французы. Величайшие имена этих и всех других наций, прославившиеся в войнах, принадлежат только эпохам, обладавшим более высокой культурой.

Отсюда можно сделать заключение, насколько велика доля умственных способностей в военном гении, особенно в его высшем проявлении. Теперь рассмотрим это более подробно.

Война есть область реальной опасности, поэтому самым главным качеством военного является мужество.

Мужество бывает двух видов: первое – физическое мужество, или мужество перед лицом опасности; и второе – моральное, нравственное мужество, то есть мужество перед лицом ответственности перед внешней властью, или внутренней – совестью. Здесь речь идет только о первом.

Мужество перед лицом опасности тоже бывает двух видов. Первое – это безразличие к опасности, являющееся или природным свойством человека, или презрением к смерти, или привычкой; в любом из этих случаев оно будет постоянным качеством человека.

Во-вторых, мужество может быть вызвано такими мотивами, как личная гордость, патриотизм, энтузиазм. В этом случае мужество – это не столько нормальное состояние, сколько порыв, проявление настроения.

Полагаем, эти два вида проявляются различно. Первое более надежно, потому что стало второй натурой; второе часто дает большие результаты. В первом случае больше твердости, во втором – отваги. Первое оставляет разум трезвым, второе иногда воодушевляет, но часто и ослепляет. В сочетании они составляют самый совершенный тип мужества.

Война есть область физического напряжения и страдания. Она требует определенной силы тела и духа, делающей человека способным переносить все тяготы войны. Обладая этими качествами, ведомый простым и здравым разумом, человек сразу же становится настоящим орудием войны. Если в требованиях, которые война предъявляет к своим приверженцам, мы зайдем дальше, то сочтем преобладающими умственные способности.

Война является областью неопределенности; три четверти того, на чем должен производиться расчет всех военных действий, скрыто в облаках великой неопределенности. Вот здесь-то и нужен тонкий и проницательный ум.

Средний интеллект может иногда случайно дойти до истины; с другой стороны, отсутствие здравого смысла может компенсировать необыкновенное мужество; но в большинстве случаев недостаток ума всегда скажется на общем уровне успехов.

Война есть область риска. Ни в одной сфере человеческой деятельности не остается столько места для этого незваного гостя. Он увеличивает неопределенность каждого обстоятельства и нарушает ход событий.

Из-за неуверенности во всех сведениях и предположениях на театре военных действий все оказывается не так, как думалось; а это не может не оказывать влияния на наши планы. Если это влияние настолько велико, что сводит на нет весь predetermined plan, тогда, как правило, ему на смену приходит другой. Но в данный момент для замены плана нет необходимых данных, а обстоятельства требуют немедленного решения, не оставляя времени на поиски свежих данных, зачастую недостаточных для зрелого вывода.

Но чаще случается так, что изменение одной предпосылки или сведений о случайных событиях не разрушает наши планы, а лишь рождает неуверенность. Причина этого заключается в том, что опыт приобретается не сразу, а постепенно, когда наши знания беспрестанно обогащаются новым опытом; и здесь ум, если мы можем употребить это выражение, всегда должен быть «на вооружении».

Чтобы благополучно преодолеть вечные конфликты с неожиданным, не обойтись без двух качеств: во-первых, интеллекта, который даже среди этой густой неясности не теряет некоторых следов света, и, во-вторых, мужества, чтобы следовать за этим слабым светом. Первое свойство образно обозначается французским выражением «coup d'oeil»⁵, второе – решимость. Поскольку бой – это особенность войны, а время и пространство являются ее важными элементами, идея быстрого и правильного решения связана с оценкой этих двух элементов, и, чтобы обозначить идею, было выбрано выражение «coup d'oeil», фактически лишь обозначающее правильный глазомер. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражения играли главную роль, в понятии о быстром и находчивом решении на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда и пошло это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Однако вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в момент, когда надо действовать, например правильный выбор пункта атаки и пр. Поэтому под выражением «coup d'oeil» подразумевается не просто физический глаз, но духовное око. Естественно, это выражение более уместно в области тактики; однако без него нельзя обойтись и в стратегии, где тоже нужны быстрые решения.

⁵ Проницательность, интуиция. (Примеч. пер.)

В каждом отдельном случае решимость – это акт мужества, но если это становится характерной чертой человека – это уже привычка. Но здесь речь идет не о мужестве перед лицом физической опасности, а о мужестве перед лицом ответственности.

Мы называем решимостью способность в обстановке действий при недостаточных данных устранять муки сомнения и опасностей колебаний. Когда у человека есть *достаточные данные*, объективные или субъективные, истинные или ложные, говорить о его решимости нет никаких оснований.

Итак, решимость, побеждающая все сомнения, может быть вызвана только разумом, причем своеобразной его нацеленностью. Одно сочетание выдающихся умственных способностей с мужеством еще не составляет решимости. Есть люди, обладающие острейшей проницательностью по отношению к самым сложным проблемам, которые не боятся ответственности и все же в трудных ситуациях не могут принять решения. Предвестником решения является умственная работа, в результате которой осознается необходимость риска. Именно это довольно необыкновенное направление ума, которое побеждает в человеке любой другой страх страхом перед колебаниями и медлительностью, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; следовательно, по нашему мнению, люди с ограниченным умом никогда не могут быть решительными. Если кому-то наше утверждение покажется необыкновенным, потому что он знает много решительных офицеров, которые не являются глубокими мыслителями, мы должны напомнить ему, что речь идет об особой направленности ума, а не о великих мыслительных способностях.

Можно привести множество примеров людей, которые проявляли огромную решительность, занимая невысокий пост, и теряли ее, оказываясь выше, на более ответственной должности. Такие люди видят опасность неправильного решения, но не в состоянии охватить порученное им дело, и их разум теряет первоначальную силу; они становятся тем более робкими, чем больше осознают опасность охватившей их нерешительности.

От *coup d'oeil* мы естественным образом переходим к разговору о *присутствии духа*, которое на войне играет огромную роль, потому что это не что иное, как победа над неожиданным. Как мы восхищаемся присутствием духа при метком ответе на какую-то неожиданную фразу, так мы восхищаемся им при быстрой реакции на внезапную опасность. Ни ответу, ни реакции не обязательно быть необыкновенными самим по себе, если только они оказываются к месту.

Приписывается ли это благородное качество больше уму человека или его чувствам, зависит от случая. Эффектный, остроумный ответ свидетельствует скорее о развитом уме, а быстрая реакция при внезапной опасности подразумевает более уравновешенный характер.

Если в общих чертах рассмотреть четыре обстоятельства, образующие атмосферу, в которой протекает война, – *опасность, физическое напряжение, неуверенность и риск*, легко понять, что требуется огромная духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эту силу мы подчас называем *энергией, твердостью, стойкостью, силой духа и характером*. Все эти проявления героической природы можно рассматривать как одну и ту же силу воли, меняющуюся согласно обстоятельствам; но как бы ни близки между собой эти понятия, они все-таки различны по содержанию. Поэтому для нас желательно более подробно рассмотреть по крайней мере действие качеств души по отношению к ним.

До тех пор пока солдаты, исполненные мужества, сражаются страстно и воодушевленно, командиру редко предоставляется повод проявить огромную силу воли при достижении своей цели. Но как только возникнут затруднения, а это всегда случается, когда на кону великие результаты, тогда дело не идет само собой, как хорошо смазанная машина. Теперь сама машина начинает оказывать сопротивление, и, чтобы преодолеть его, командиру потребуется огромная сила воли. Под этим сопротивлением не следует подразумевать неподчинение или ропот; это

ощущение полного упадка всех физических и моральных сил солдат, душераздирающее зрелище кровавых жертв. Командиру придется бороться с этими внутри себя, а затем и среди подчиненных, прямо или косвенно сообщающих ему свои впечатления, чувства, тревоги и желания. Когда его дух ослабевает настолько, что командир не может воодушевлять других, массы увлекут такого командира за собой в низменную область животной природы, которая, не ведая стыда, бежит от опасности. Это то бремя, которое должны преодолеть мужество и умственные способности военачальника, если он хочет прославить свое имя.

Энергия действия отражает силу движущих побуждений, при этом эти побуждения могут быть вызваны как убеждением разума, так и эмоциями духа. Последние необходимы, если требуется проявление больших усилий.

Твердость означает сопротивление воли силе единичного удара, *стойкость* – сопротивление продолжительному натиску. Хотя эти два понятия очень близки и часто одно выражение употребляют вместо другого, все же между ними есть значительная разница, которую невозможно не заметить, поскольку твердость по отношению к одному единичному силовому напору может опираться лишь на силу чувств, а стойкость должна поддерживаться разумом. Ведь стойкость черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Теперь рассмотрим *силу темперамента*, и первый вопрос прозвучит так: что следует под этим понимать?

Ясно, что это не бурное выражение чувств, не восторженные страсти, а способность повиноваться рассудку даже в моменты самого сильного возбуждения, в вихре самых бурных страстей. Это чувство уравнивается не чем иным, как чувством человеческого достоинства, благороднейшей гордостью, глубочайшей душевной потребностью всегда и везде действовать как существо, наделенное интеллектом или разумом.

Под *силой характера* или просто *характером* понимается твердость убеждения; но этот вид твердости, безусловно, не может проявиться, если сами взгляды часто меняются. Очевидно, что о человеке, который часто меняет свои взгляды, какими бы ни были причины этих перемен, нельзя сказать, что он обладает характером.

На войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений, которым подвергается ум, неуверенности в любых сведениях и знаниях у человека значительно больше возможностей сбиться с пути, ввести себя и других в заблуждение, чем в любой другой области человеческой деятельности.

Здесь человеку зачастую ничто не может помочь, кроме одного руководящего правила, которое, независимо от размышления, может господствовать над ним. Это правило заключается в том, чтобы во всех сомнительных случаях придерживаться первого мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных. Нужно твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и под ослепительным влиянием мимолетных событий не забывать, что их ценность гораздо ниже. Если во всех сомнительных случаях мы отдадим предпочтение первоначальным установкам и этим засвидетельствуем верность и стойкость, наши действия приобретут устойчивость и постоянство, которые и называются характером.

Сила характера ведет нас к ее уродливой разновидности – упрямству.

Часто очень сложно в конкретных случаях сказать, где кончается одно и начинается другое; но разницу в понятиях определить несложно.

Упрямство – это дефект темперамента. Неподатливость воли, неприятие противоречий происходят от особого рода самолюбия, для которого высшее удовольствие – властвовать только своим умом над собой и другими. Можно назвать это своего рода тщеславием, но оно все же лучше упрямства. Тщеславие удовлетворяется видимостью, тогда как упрямство зиждется на получаемом удовольствии.

Сила характера переходит в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в своей правоте или следования высшим принципам, а из чувства противоречия. Если это определение фактически мало помогает на практике, оно все же не позволяет нам считать упрямство признаком сильного характера.

Познакомившись с высокими качествами великого военачальника, в которых совместно проявляются дух и разум, перейдем теперь к одной черте военной деятельности, которую, вероятно, можно считать самой яркой, если не самой важной. Она не зависит от духовных сил, а лишь от умственных способностей. Это связь, существующая между войной и местностью или территорией.

Эта связь, во-первых, является неизменным условием войны, потому что невозможно представить действия сформированной армии, совершаемые вне определенного пространства; во-вторых, она необычайно важна потому, что накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой совершенно их изменяет; в-третьих, эта связь то упирается в детальные особенности данного участка, то охватывает широчайшие пространства.

Военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором ему предстоит действовать и которое при самом большом усердии он не может ни осмотреть, ни исследовать. Постоянная смена событий редко позволяет детально ознакомиться с этим пространством. Конечно, противник обычно находится в таком же положении; и все же трудности, хотя и общие для обоих, не перестают быть трудностями, и тот, кто с помощью своего таланта и опыта их преодолет, получит огромное преимущество.

Эти совершенно необычные трудности должны быть преодолены природным свойством ума, которое определяется таким слишком ограниченным термином, как чувство местности (Ortsinn). Это способность быстро и правильно составить геометрическое представление о любой местности и, следовательно, оказаться в нужном месте в нужное время. Это просто работа воображения. Восприятие, несомненно, формируется отчасти при помощи физического зрения, а отчасти при помощи рассудка, отточенных знаниями и опытом, который формирует целое из фрагментов, видимых глазом. Но для того чтобы это целое живо предстало перед сознанием, стало картиной, мысленно начерченной картой, детали которой не распадаются и остаются в памяти надолго, нужна духовная сила, которую можно назвать воображением, фантазией.

Естественно, масштаб проявления этого таланта увеличивается вместе с рангом. Если гусар или стрелок, командир патруля, ведя свой дозор, обязан хорошо знать все дороги и тропинки и для этого достаточно лишь ограниченных умственных способностей, то командующий армией должен быть знаком с основными географическими особенностями провинции и даже страны. Он должен всегда живо представлять себе направления дорог, течение рек, расположение горных хребтов и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности, то есть обладать чувством местности. Несомненно, ему очень помогает самая различная информация: сами объекты, карты, книги, мемуары, а также деятельность штаба. Но все же, безусловно, если он сам обладает талантом быстро и четко формировать идеальный образ местности, это помогает ему действовать легче и тверже, спасает от некоторой внутренней беспомощности и делает менее зависимым от других.

Кажется, мы рассмотрели все проявления умственных и духовных сил, которых требует от человека военная деятельность. Разум везде выступает как основная сила; и поэтому понятно, что военная деятельность, казалось бы, такая простая на первый взгляд, никогда не может успешно осуществляться людьми, лишенными выдающихся умственных способностей.

Опасность и напряжение сил во время войны

До тех пор пока мы сами не узнаем, что такое настоящая опасность, у нас складывается о ней скорее привлекательное, нежели отталкивающее представление. В опьянении энтузиазмом броситься на врага – кто будет здесь обращать внимание на свист пуль и падающих людей? Зажмурив на мгновение глаза, броситься навстречу смерти, не зная наверняка, предназначена она тебе или другим, и все это на самом пороге золотых ворот победы, у этого спелого плода, которого так жаждет наше тщеславие – может ли это быть трудным? Конечно, не трудно, но и не так легко, как может показаться. Таких мгновений на войне будет мало, а вот опасность дело не мгновенное, как кажется многим, и ее придется испытывать длительное время понемногу, как принимать горькую микстуру, прописанную доктором.

Молодой солдат, впервые попавший в бой, не минует опасностей всех уровней, не поняв, что мысль здесь пробуждают совсем другие силы и свет разума не распространяется здесь так, как при обычной умственной деятельности. Нужно быть совершенно необыкновенным человеком, чтобы под влиянием впечатлений, полученных в первый раз, не потерять способности принимать мгновенные решения. Правда, привычка вскоре притупляет острые впечатления; через полчаса мы становимся более или менее безразличными ко всему, что происходит вокруг нас. Но обычный человек никогда не может дойти до полного спокойствия и естественной гибкости ума; и поэтому мы понимаем, что здесь недостаточно обычных качеств, и чем шире круг действий, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость, огромное честолюбие или также старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в такой обстановке добиться результата не ниже нормы, которая в тиши кабинета кажется совершенно обыкновенной.

На войне существует много явлений, которые не поддаются нормированию, среди них можно особо отметить физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, если она не растрочена заранее, обуславливает проявление всех сил человека, и никто не может точно сказать, до какой степени она может дойти. Как более сильный стрелок туже натягивает тетиву лука, так и на войне более сильному духом удастся добиться от своих войск большего напряжения сил, которое можно разделить на два вида. Один, когда после страшного поражения армия, попавшая в катастрофическую ситуацию, распадается на части, как стена, которую сносят, с величайшим напряжением физических сил ищет спасения; и другой, когда полководец ведет свою гордую победоносную армию. Степень напряжения, которая в первом случае вызывает только сострадание и жалость, в другом – вызывает восхищение, потому что добиться ее гораздо труднее.

Мы коснулись здесь физического напряжения в основном потому, что, как и опасность, оно является одной из основных причин возникновения препятствий, помех и осложнений, и потому, что его неопределенная величина приближает его к природе эластичных тел, сопротивление которых, как хорошо известно, трудно поддается исчислению.

Особое внутреннее чувство, которым наделила нас природа, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на опасности и напряжение на войне. Подобно тому как человек ничего не выиграет, когда, подвергшись оскорблениям или плохому обращению, будет ссылаться на свою слабость. Напротив, он выставит себя в лучшем свете, сославшись на нее после того, как ему удастся восторжествовать над обидчиком или блестяще отомстить ему. Так и ни один полководец, ни одна армия, ссылаясь на опасности, тяготы и напряжение, не исправят впечатления от позорного поражения, но те же трудности усилят блеск одержанной победы. Таким образом, наше сознание, которое, в конце концов, есть всего лишь высший род суждения, не позволяет нам проявить снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок.

Информация во время войны

Словом «информация» мы обозначаем всю совокупность знаний, имеющихся у нас о противнике и о его стране, они являются фактически основой всех наших планов и действий. Достаточно лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и изменчивость, чтобы почувствовать, как ненадежно основанное на ней построение планов войны, как легко все может развалиться и похоронить нас под своими обломками.

Огромная часть информации, получаемая на войне, противоречива, еще большая часть ложна и гораздо большая часть сомнительна. От командира требуется некоторое умение различать информацию, что может дать только знание людей и жизненный опыт. При оценке различных сведений командир должен руководствоваться их вероятностью. Большие затруднения возникают уже при составлении планов войны в кабинете, вне реальных условий театра военных действий. В обстановке же боевых действий такие затруднения возрастают еще больше, когда одно сообщение следует за другим. Хорошо, если в этих сообщениях, противоречащих друг другу, существует явное несоответствие, вызывающее критическое отношение к ним, что тем самым дает нам чувство безопасности. Для неопытного человека гораздо хуже, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно сообщение подтверждает и преувеличивает другое, раскрашивая общую картину новыми красками. Наконец, необходимость заставляет нас в спешном порядке принять решение, которое вскоре окажется глупым, а все эти сообщения ложными, преувеличенными, ошибочными и т. д.

Как правило, люди больше склонны верить в плохое, чем в хорошее, и в некоторой мере преувеличивать плохое. Твердо уверенный в превосходстве своих внутренних знаний, полководец должен стоять, как скала, о которую в бессильной ярости бьются волны сомнений. Эта роль нелегка. Впечатление чувств сильнее представления разумного расчета, и оно заходит настолько далеко, что ни одно важное начинание никогда не претворяется в жизнь без того, чтобы полководец, приступая к делу, не засомневался в себе. Твердая уверенность в себе придает ему стойкость против кажущегося давления момента; это первоначальное убеждение в конце концов подтвердится ходом дальнейших событий, когда кулисы, выдвинутые судьбой на авансцену войны, с их размалеванными образами различных опасностей, отодвинутся в сторону, и горизонт расширится. Это одна из великих пропастей, разделяющих *составление плана от его исполнения*.

Препятствия и помехи на войне

Пока человек лично не узнает, что такое война, он не поймет, в чем заключаются трудности, о которых так много говорят, и что такое на самом деле военный гений и необыкновенные умственные способности, требуемые от полководца. Все представляется простым: все необходимые знания – ясными, все комбинации – несущественными; по сравнению с ними легчайшая задача высшей математики производит более значительное впечатление своим научным величием. Но если человек видел войну, все становится понятно.

На войне все очень просто, но эта простота представляет трудности. Эти трудности накапливаются и становятся причиной помех, которые человек, не видевший войну, не может себе вообразить. Представим себе путешественника, который надеется к вечеру завершить два этапа своего путешествия; четыре или пять лье (1 лье старинное – 4,444 км; почтовое – 3,89808 км, есть и другие. – *Ред.*) на почтовых лошадях по шоссе – пустыки. Он приезжает на предпоследнюю станцию, а там или очень плохие лошади, или их нет вообще; а дальше гористая, разбитая дорога и наступает ночь. Он счастлив, когда, после стольких трудностей, прибывает на следующую станцию и находит там хоть какой-то ночлег. Так и на войне, из-за

бесчисленного множества мелочей, которые невозможно должным образом описать на бумаге, обстоятельства складываются не так, как планировалось, и человек далеко отстает от намеченной цели. Целеустремленность и твердость преодолевают эти помехи; военачальник преодолевает препятствия, но, безусловно, в процессе этого страдает и сам (как и военная машина – совокупность сил и средств под началом полководца. – *Ред.*).

Препятствия и помехи – это то, что в общих чертах отличает настоящую войну от войны бумажной. Военная машина, армия и все к ней относящееся на самом деле просты, и поэтому кажется, что ими легко управлять. Но вспомним, что ни одна ее часть не сделана из одного куска, что она состоит из индивидуальностей, каждая из которых испытывает свои помехи. Опасности и физическое напряжение, неизбежные на войне, увеличивают это зло настолько, что их нужно рассматривать как важнейший его источник.

Эти ужасные помехи везде вступают в контакт со случайностью и вызывают явления, которые невозможно предугадать. Подобной случайностью может оказаться, например, погода. В одном месте туман не позволил вовремя обнаружить противника, помешал открыть огонь батарее, доставить донесение генералу. В другом – дождь помешал батальону подоспеть в срок, потому что вместо трех часов ему пришлось шагать восемь. В третьем – он помешал атаке кавалерии, потому что она увязла в размокшем глинистом грунте.

Деятельность на войне подобна движению в сопротивляющейся среде. Как человек, погруженный в воду, не может легко и правильно выполнять самые естественные и простые движения, например ходить, так и на войне человеку с обыкновенными способностями невозможно даже выйти за рамки посредственности.

Знание этих возможных препятствий и помех – основная часть военного опыта, о котором так много говорят и которым должен обладать хороший полководец. Разумеется, полководец, придающий возможным сложностям исключительное значение и испытывающий к ним благоговение, не будет лучшим. Но он должен знать о них и уметь их преодолевать там, где это возможно, а также не ждать точности действий там, где она невозможна именно из-за этих помех.

Так что же, нет средств снизить издержки от возникших трудностей? Только одно, и оно не всегда доступно командующему армией. Это – привычка армии к войне.

Привычка приучает тело к огромным напряжениям, душу – к опасности, рассудок – к осторожности против первых впечатлений.

Подобно тому как человеческий глаз, в темноте расширяя зрачки, использует слабый свет, имеющийся в помещении, и начинает постепенно различать предметы, а в конце концов хорошо разбираться в них, так и опытный солдат может ориентироваться на войне, в то время как перед неопытным новобранцем расстилается лишь кромешная ночная тьма.

Ни один полководец не может сразу дать армии привычку к войне, а маневры (мирные упражнения) являются лишь слабой ее заменой, слабой по сравнению с настоящими военными испытаниями, но не такой уж слабой по сравнению с другими войсками, где подготовка сводится лишь к заурядным механическим упражнениям. Организация в мирное время таких упражнений, которые дают понятие хотя бы о части возможных на войне препятствий, помех и осложнений, развивает в отдельных командирах способность к суждению, осмотрительность и даже решимость гораздо существеннее, чем полагают те, кто не знает это по собственному опыту. Очень важно, чтобы военному, в каком бы чине он ни был, не пришлось столкнуться на войне с теми трудностями, которые, увиденные впервые, потрясают и приводят в недоумение. Если же он прежде сталкивался с подобным хотя бы раз, он уже наполовину знаком с ними. Это относится даже к физической усталости. Для того чтобы к ней привыкнуть, надо тренировать ум не меньше, чем тело. На войне молодой солдат склонен считать требуемое от него напряжение сил следствием ошибок и затруднений руководства и впадать из-за этого в уныние. Этого не случится, если он готов к этому заранее благодаря тренировкам в мирное время.

Поэтому государство, которое давно пребывает в состоянии мира, всегда стремится заполучить офицеров, которые служили на различных театрах военных действий, или послать туда своих офицеров, чтобы они могли поучиться искусству ведения войны.

Глава 2. О теории ведения войны

Ветви военного искусства

Война по существу своему – сражение, потому что только сражение является решающим актом многообразной деятельности, которая в широком смысле слова называется войной. Сражение – это испытание моральных и физических сил противников при их столкновении. Само собой разумеется, что нельзя упускать из вида духовные силы, потому что состояние духа оказывает самое решительное влияние на военные силы.

Необходимость борьбы издавна заставляла людей прибегать к специальным изобретениям, имеющих целью получить преимущества перед противником; в результате методы борьбы претерпели огромные изменения; но, как бы она ни велась, лежащая в основе ее идея остается неизменной и определяет сущность войны.

Война определяет все имеющее отношение к оружию и устройству войск, а они, в свою очередь, изменяют методы борьбы; следовательно, эти два явления взаимосвязаны.

Военное искусство, в собственном смысле этого слова, есть искусство использования имеющихся средств борьбы, и для него не подобрать лучшего определения, чем *«ведение войны»*. С другой стороны, в более широком смысле слова, вся деятельность, которая существует благодаря войне: формирование войск, их комплектование, оснащение, экипировка и обучение относятся к искусству войны.

Ведение войны – это правильная расстановка сил и ведение боя. Если бы борьба была единичным актом, не было бы необходимости в дальнейшем подразделении теории ведения войны, но борьба состоит из большего или меньшего числа единичных актов, имеющих самостоятельное значение, которые мы называем частными боями и которые образуют новое целое. Из этого проистекают два совершенно различных вида деятельности, такие как *организация этих частных боев и их ведение* и *увязка их с общей целью войны*. Первая называется *тактикой*, вторая – *стратегией*.

Тактика – это учение об использовании военных сил в бою. Стратегия – это учение об использовании боев в целях войны.

Наша классификация касается лишь *использования военных сил*. Но на войне есть ряд видов деятельности, помогающих использованию вооруженных сил, но несколько отличающихся от него; иногда значительно, иногда не очень. Все эти виды деятельности относятся к *сохранению вооруженных сил*. Но, строго говоря, все подобные виды деятельности, связанные с войной, всегда надо рассматривать лишь как подготовку к ней. Следовательно, мы имеем право отделить их от военного искусства, от непосредственного ведения войны; и мы обязаны сделать это, подчиняясь принципу всех теорий: отделять друг от друга неоднородные явления. Кто станет включать в настоящее *«ведение войны»* всю канитель продовольственной и административных служб, хотя они и находятся с ним в постоянном взаимодействии?

Деятельность вне боя чрезвычайно разнообразна. Та, что относится к самой борьбе, – это *марши, лагеря и квартиры*.

Та, что относится к обеспечению и сохранению вооруженных сил, – это *продовольствие, забота о больных, поставка и ремонт оружия и снаряжения*.

Марши идентичны использованию войск. Сам акт марша в *бою*, обычно называемый маневрированием, естественно, не всегда включает в себя использование оружия, но он настолько тесно и обязательно сочетается с вооруженной борьбой, что образует неотъемлемую часть того, что мы называем боем. Марш же вне боя является не чем иным, как выполнением

стратегического замысла. Стратегический план устанавливает, *где, когда и с какими силами* должен произойти бой, и марш является единственным средством осуществления этого плана.

Поэтому марш вне боя – инструмент стратегии, но не принадлежит только ей. Если мы прикажем колонне идти по определенному берегу реки или вдоль отрога горной цепи, тогда это стратегическое задание, потому что оно содержит в себе намерение дать бой на определенной стороне гор или реки, предпочтя ее другой, в том случае если во время марша возникнет необходимость в бое.

Но если колонна, вместо того чтобы следовать по дороге через долину, будет двинута вдоль параллельной гряды высот или для удобства марша будет разделена на несколько колонн, тогда это тактическое задание, потому что оно определено тем способом, которым мы воспользуемся войсками в ожидаемом бою.

Лагеря, под которыми мы подразумеваем любое расположение войск в сосредоточенном, то есть боевом порядке, в отличие от квартир, являются местом отдыха, а следовательно, восстановления сил. Но они в то же время являются стратегической обстановкой битвы на выбранном месте. При этом порядок их расположения уже содержит в себе основные направления боя, условие, с которого начинается любой решающий бой. Следовательно, расположение лагерей – существенные части и стратегии, и тактики.

Расквартирование войск приходит на смену лагерям для лучшего восстановления сил военнослужащих. Поэтому квартиры, как и лагеря, относятся к стратегии с точки зрения местонахождения и размера занятой площади, а по внутренней организации, нацеленной на готовность к бою, к тактике.

Занятие лагерей и квартир обычно помимо отдыха преследует и другие цели: прикрытие известного района, удержание какой-то позиции; но часто это может быть только отдых. Напомним читателю, что стратегия может преследовать самые разнообразные цели, потому что все, что представляет для нее выгоду, может служить целью данного боя, а сохранение инструмента, с помощью которого ведется война, очень часто становится предметом ее отдельных комбинаций.

Но если сохранение войск в лагерях и на квартирах сопровождается деятельностью, не являющейся сферой деятельности вооруженных сил (например, постройка казарм, разбивка палаток, снабжение продовольствием и санитарные работы в лагерях и на квартирах), тогда это не относится ни к стратегии, ни к тактике.

Среди деятельности, относящейся только к сохранению вооруженных сил, но не имеющей никакого отношения к бою, на первое место выступает снабжение войск продовольствием, так как это должно делаться почти ежедневно и для каждого человека. Часто бывает, что забота о продовольствии в значительной степени определяет главные стратегические черты кампании или войны.

Другие ветви административной деятельности, которые мы упомянули, имеют гораздо более далекое отношение к использованию войск. *Забота о больных и раненых*, очень важная для армии, напрямую влияет только на небольшую часть людей, ее составляющих, и поэтому имеет лишь слабое и косвенное влияние на остальных. *Комплектование войск и пополнение оружия и снаряжения* не является постоянной деятельностью самих вооруженных сил и происходит лишь периодически и редко влияет на составление стратегических планов.

Однако тут нужно оговориться. В некоторых случаях эти вопросы могут действительно иметь решающее значение. Отдаленность госпиталей и оружейных складов может часто оказаться единственной причиной очень важных стратегических решений. Но сейчас нас интересует не значение таких фактов в отдельных случаях, а абстрактная теория ведения войны.

Подводя итог наших размышлений, можно сделать вывод, что различные виды военной деятельности разделяются на две категории: *подготовку к войне* и *саму войну*. Следовательно, это деление должно быть сделано в теории.

Настоящая теория будет трактовать бой как истинную борьбу, а марши, лагеря и квартиры как обстоятельства, более или менее схожие с ней. Снабжение войск как деятельность, не имеющая отношения к бою, будет рассматриваться как *другие данные обстоятельства*, влияющие на конечный результат.

Военное искусство, если его рассматривать в ограниченном смысле этого понятия, разделяется на тактику и стратегию. Первая занимается подготовкой и проведением отдельных боев, а вторая – использованием результатов этих боев и сражений. Обе затрагивают такие обстоятельства, как марши, лагеря, квартиры, только через призму боя, и эти обстоятельства являются тактическими или стратегическими в зависимости от того, касаются ли они оформления боя или его значения.

Несомненно, найдется много читателей, которые сочтут излишним подобное тщательное разграничение двух таких близких понятий, как тактика и стратегия, потому что оно не влияет напрямую на ведение самой войны. Разумеется, мы признаем, что было бы педантизмом искать прямых эффектов теоретических различий на поле боя.

Первая задача любой теории – привести в порядок неясные и чрезвычайно путанные понятия и представления; и только когда появятся точные названия и понятия, можно надеяться на большую ясность и легкость рассмотрения вопросов.

Теория ведения войны

Прежде под термином «искусство войны» и «военная наука» понималась лишь совокупность тех ветвей знания и той практики применения искусства войны, которые заняты материальными проблемами.

В искусстве осады прежде всего чувствовалась некоторая степень руководства боем, что-то вроде влияния интеллектуальных способностей на материальные силы, попавшие под их контроль, но очень скоро эти силы приобретали новые материальные формы, такие как подходы, траншеи, контрнаступления, батареи и т. д.

Впоследствии тактика пыталась придать субъектам и объектам, которыми занималась, характер некоего общего распорядка, учитывающего особенности армии, что вело теорию на поле боя, но там не было простора для свободной работы ума и воли, там действовала армия, построенная как автомат.

Ведение войны в собственном смысле слова, то есть использование подготовленных средств, приспособленных к особым требованиям, не считалось подходящим предметом теории, а предметом, который следовало оставить лишь природным талантам.

Поскольку непрерывно шло накопление опыта прошедших войн и его критическое осмысление, возникало настойчивое желание ввести установленные правила, чтобы в спорах, естественно возникающих вокруг военных событий, борьба мнений могла бы прийти к определенному соглашению.

Из всех факторов, которыми обуславливается победа, было выбрано численное превосходство, потому что его можно подчинить математическим законам, комбинируя со временем и пространством. Было бы очень хорошо, если бы это было сделано временно, для того чтобы изучить этот фактор на фоне сопровождающих его обстоятельств. Но считать численное превосходство основополагающим фактором и видеть весь секрет военного искусства в формуле *«сосредоточить в определенное время в определенном месте численно превосходящие массы»* было бы ограниченностью, которая не выдержала бы столкновения с реальными событиями.

Один остроумный автор попытался сосредоточить в единственном понятии *базы* кучу разнообразных обстоятельств. Список включал в себя снабжение войск, их комплектование и экипировку, безопасность, связи с родиной и, наконец, безопасность отступления в случае необходимости. Прежде всего он предложил заменить понятие «база» всеми этими факторами;

потом саму базу подменить на ее протяженность (длину); и, наконец, подставить угол, образуемый армией и этой базой. И все это делалось лишь для того, чтобы достичь полностью бесполезного геометрического результата.

Идея базы по-настоящему необходима для стратегии; но воспользоваться ей так, как предложил этот автор, совершенно невозможно, ибо это лишь приведет нас к односторонним выводам, которые увлекли этого теоретика в совершенно нелепом направлении, а именно к вере в решающий эффект форм всего того, что окружает подготовку наступления.

Как реакция против этого ложного направления, на трон был возведен другой геометрический принцип. Хотя этот принцип основан на здравом смысле, на той истине, что бой есть единственное эффективное средство на войне, он все же, из-за своей геометрической природы, не что иное, как очередной случай односторонней теории.

Все эти попытки создать теорию следует считать прогрессом в поисках истины, но только в их аналитической части, синтетическая же их часть – правила и предписания – совершенно бесполезна.

Все они стремятся к определенным величинам, тогда как на войне все неопределенно, и вычисления всегда производятся с переменными величинами.

Они обращают все внимание только на материальные силы, а ведь любые военные действия проникнуты духовными силами и их влиянием.

Они обращают внимание лишь на действия одной стороны, тогда как война – это постоянное взаимодействие противоборствующих сторон.

Все, что не поддавалось постижению с помощью подобной жалкой философии, результата пристрастных взглядов, находилось за пределами науки и относилось к сфере гения, который *сам по себе правил выше всех*.

Жаль того воина, который довольствовался узкими границами этих правил!

Жаль теорию, которая противостоит разуму! Она не может исправить противоречия никакими унижениями, и чем больше унижение, тем скорее насмешка и презрение изгонят ее из реальной жизни.

Моральные качества на войне

Деятельность на войне никогда не бывает направлена только против одной лишь материи; она всегда также направлена против моральных сил, дающих жизнь этой материи, и отделить одно от другого невозможно.

Всем известен моральный эффект неожиданного нападения с фланга или с тыла. Все считают трусом отступающего врага и больше рискуют, преследуя, чем тот, кого преследуют. Все судят о вражеском генерале по его репутации, возрасту и опыту и этим руководствуются в своих действиях. Тщательно взвешивают боевой дух и настроение своих и вражеских войск. Все эти и подобные действия в области моральной природы человека постоянно подтверждаются опытом и поэтому не позволяют нам не считаться с ними. Что может получиться, если следовать теории, которая оставила бы их без внимания?

Чтобы ясно понять сложность задачи, содержащейся в теории ведения войны, мы должны внимательнее рассмотреть основные особенности, которые составляют природу военной деятельности.

Первая из этих особенностей заключается в морально-психологических качествах и воздействиях на них.

Сражение изначально является выражением *враждебных чувств*, но в наших великих битвах, которые мы называем войнами, враждебные чувства зачастую превращаются во враждебные *намерения*, и обычно ни один человек не испытывает природного враждебного чувства к отдельному врагу. Тем не менее любой бой никогда не обходится без подобных чувств; ведь

акт насилия, который враг совершает над нами по приказу своего командира, возбудит в нас желание отомстить этому врагу прежде, чем наши чувства обернутся против высшей власти, по чьей воле совершается акт. Называйте это как хотите – по-человечески или по-зверски, – но тем не менее это так.

Кроме этого возбуждения чувств, порождаемых самим боем, есть также другие, которые в основном не имеют к нему отношения, но ввиду сходства легко соединяются с ним, – честолюбие, властолюбие, всевозможное воодушевление и т. д. и т. п.

Наконец, бой порождает стихию опасности, в которой вся военная деятельность живет и движется, как птица в воздухе или рыба в воде. Действие опасности влияет на чувства – или прямо, то есть инстинктивно, или посредством разума. В первом случае первым возникнет желание бежать от опасности, а если это невозможно, появляются страх и тревога. Если таких желаний не возникнет, значит, *мужество* перевешивает эти инстинкты. Мужество, однако, никоим образом не есть акт рассудка, а представляет собой такое же чувство, как страх; только последний направлен на физическое сохранение, а мужество – на моральное. Значит, мужество – инстинкт более благородный. Но именно поэтому его нельзя использовать как физический инструмент, действующий в точном соответствии с предписанной мерой. Следовательно, мужество – это не просто противовес опасности, направленный на нейтрализацию ее действия, а самостоятельная величина.

Но чтобы точно оценить влияние опасности на основных участников войны, не следует ограничиваться физической опасностью, грозящей в данный момент. Она действует на командира, не только угрожая ему, но также угрожая всем вверенным ему людям. Это действие происходит не только в момент непосредственной опасности, но и в любое другое время, имеющее, по нашему представлению, отношение к данному моменту. Наконец, опасность действует не только напрямую, но и опосредованно, через ответственность, которая давит на командира с десятикратной силой. Кто мог бы советовать или принимать решения во время великой битвы, не испытывая большего или меньшего духовного напряжения или смущения перед опасностью и ответственностью, связанными с великим актом принятия решения? Можно сказать, что действия на войне, если это настоящие действия, а не просто присутствие, всегда сопряжены с опасностью.

Рассматривая эти моральные силы, возбуждаемые враждебностью и опасностью, как особенности войны, мы не исключаем все другие моральные силы, сопровождающие человека на жизненном пути. Разумеется, можно сказать, что влияние мелких страстей в такой серьезной сфере жизни приглушается; но это относится только к тем, кто действует на низших ступенях.

В высших сферах иначе, потому что чем выше ранг человека, тем шире должен быть его кругозор; тогда возникают всесторонние интересы и многообразная игра страстей, и добрых, и злых. Зависть и великодушие, гордость и унижение, жестокость и нежность, все это может оказаться активной силой в этой великой драме.

Второй особенностью военных действий является живое противодействие и вытекающее из него взаимодействие. Воздействие, которое оказывает на противника какое-либо наше мероприятие, является наиболее индивидуальным из всех видов военной деятельности; но всякая теория должна классифицировать явления и не может включать в себя чисто индивидуальные случаи. Естественно поэтому, что такой деятельности, как военная, где осуществлению плана, построенного на обстановке в целом, где так часто мешают неожиданные и единичные случаи, больше простора должно быть предоставлено таланту, чем указаниям теории.

Наконец, огромная недостоверность всех данных на войне является особой трудностью. Все действия ведутся до известной степени в неопределенности, которая создает иллюзию преувеличения и причудливости.

Учитывая все сказанное выше, приходится признать, что совершенно невозможно снабдить военное искусство подпоркой в виде строгой научной теории, которая во всех случаях

поддерживала бы военного деятеля. Во всех случаях, когда он предоставлен своему таланту, он окажется далеко от этой теории, и последует тот же результат, о котором мы упоминали, когда говорили, что талант и гений действуют вне закона, а теория противоречит реальности.

Есть два способа избавиться от этого затруднения. Во-первых, то, что мы говорили о природе военной деятельности вообще, неприменимо в одинаковой мере к деятельности на различных постах.

Разделив военную деятельность по *содержанию*, легко заметить, что трудности не везде одни и те же, они уменьшаются по мере того, как действия проявляются в материальном мире, и возрастают по мере того, как они переходят в мир духовный. Поэтому легче теоретически определить порядок и ведение битвы, чем пользу от самой битвы. Одним словом, создать теорию для *тактики гораздо легче, чем для стратегии*.

Вторая благоприятная возможность создать теорию заключается в точке зрения, согласно которой ей совсем не обязательно требуется быть *руководством* для действий. Всегда, когда деятельность постоянно сталкивается с одними и теми же вопросами, с одними и теми же целями и средствами, такие вопросы должны стать предметом углубленного изучения. Такое изучение и является самой главной частью любой *теории*, и имеет преимущественное право на это название.

Если теория исследует явления, составляющие сущность войны, если она более четко разделит то, что на первый взгляд кажется слитным, если она укажет все свойства имеющихся средств и предскажет вероятные результаты их действий, если она ясно определит природу целей и озарит всю область войны светом критики – тогда она выполнит свой основной долг. Она станет путеводителем тому, кто хочет ознакомиться с войной по книгам; она осветит ему путь, облегчит понимание, воспитает его разум и защитит от ошибок.

Глава 3. О стратегии в общем

Стратегия (определение)

Стратегия есть использование боя с целью выиграть войну; следовательно, она должна поставить цель всем военным действиям. Иными словами, стратегия формирует план войны и связывает с поставленной целью ряд действий, которые должны привести к достижению этой цели, то есть составляет планы отдельных кампаний и ставит задачи перед каждым сражением. Поскольку все это в значительной степени зиждется лишь на основе предположений, некоторые из которых оказываются неверными, а ряд других деталей нельзя определить заранее, то, само собой разумеется, стратегия должна следовать за армией на полях сражений, чтобы все разрешить на месте и внести необходимые изменения в генеральный план. Поэтому стратегия никогда не может отвлечься от военных действий.

Однако эта точка зрения не всегда была такой, что видно из давнего обычая предоставлять принятие стратегических решений правительству, а не главнокомандующему армией. Это возможно только тогда, когда правительство находится настолько близко от армии, что его можно считать ставкой главнокомандующего.

Теория тоже следует за стратегией в разработке планов военных действий, и, как можно справедливо заметить, она освещает существо явлений и их отношения друг с другом и выделяет то немногое, что кажется принципом или правилом.

Если мы вспомним, сколько важнейших факторов имеет отношение к войне, мы поймем, что для того, чтобы учесть все эти факторы, требуются незаурядные умственные способности.

Монарх или полководец, который точно знает, как организовать войну согласно его целям и имеющимся у него средствам, который не делает ни слишком мало, ни слишком много, доказывает свою гениальность. Но влияние гениальности сказывается не столько в изобретении новых методов действия, которые сразу бросаются в глаза, сколько в успешном конечном результате в целом. Достойны восхищения точное осуществление молчаливых предположений, бесшумная гармония всего акта войны, которая проявляется только в конечном успехе.

Исследователь, который, идя от конечного успеха, пропускает признаки этой гармонии, склонен искать гений там, где его нет и быть не может.

Средства и формы, используемые стратегией, на самом деле настолько просты, настолько хорошо известны благодаря постоянным повторениям, что напыщенные отзывы о них кажутся здравомыслящему человеку просто нелепыми. Простой обход с фланга, что делалось тысячу раз, преподносится как доказательство блестящей гениальности, глубочайшей проницательности и даже обширнейших знаний.

Признаем: здесь не идет речь о научных формулах и проблемах; все отношения материальных факторов очень просты; верное понимание моральных сил сложнее. Однако сплетение явлений морального порядка и большое их разнообразие существует только в высочайших ветвях стратегии, там, где она граничит с политической наукой или, скорее, где они сливаются в одно целое, и там, где, как мы уже заметили, они больше влияют на то, «как много» и «как мало» надо сделать, чем на форму исполнения. Там, где последняя является основным вопросом, как в отдельных больших и малых событиях войны, влияние моральных качеств заметно сокращается.

Таким образом, в стратегии получается все очень просто, но из этого не следует, что все это очень легко. Поскольку целями и средствами государства определено, чего должна и чего может достигнуть война, то дорогу к этому найти легко. Но прямо следовать по этому пути, осуществлять план, не позволяя себе тысячу раз отклоняться от него из-за тысячи различных

обстоятельств требует, помимо огромной силы характера, огромной ясности и твердости ума. Из тысячи человек, которые замечательны – кто своим умом, кто пронизательностью, кто дерзостью или силой воли, – возможно, не найдется ни одного, кто соединил бы в себе все эти качества, которые выдвинули бы его из среды посредственностей на пути к блестящей военной карьере.

Может быть, это прозвучит странно, но для всех, кто знает войну с этой стороны, не подлежит сомнению тот факт, что для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо большая сила воли, чем в тактике. В тактике нас торопит скорость событий; полководец чувствует, что они затягивают его в свой водоворот, против которого он не может бороться, не опасаясь вызвать самые пагубные последствия. Но он подавляет поднимающийся страх и смело движется вперед. В стратегии, где все идет медленнее, предоставлено больше места для наших собственных и чужих опасений, для возражений и угрызений совести, а также для неразумных сожалений о прошлом. В стратегии мы не видим собственными глазами хотя бы половину того, что видим в тактике, нам остается лишь догадываться и предполагать, поэтому и уверенность не так устойчива. Последствия таковы, что большинство полководцев топчутся в сомнениях и замешательстве, когда надо действовать.

А теперь бросим взгляд на историю – на кампанию Фридриха II в 1760 году, прославившуюся своими великолепными маршами и маневрами, непревзойденными шедеврами стратегического искусства, как утверждают критики. Неужели нас должно восхищать, что король сначала решил обойти правый фланг Дауна, затем левый, а затем снова правый и т. д.? Неужели в этом заключается глубокая мудрость? Нет, больше всего нас должна восхищать *пронизательность* короля, который, имея очень ограниченные средства, преследовал великую цель, не предприняв ничего, что было бы за пределами его сил, и сделав *достаточно*, чтобы достичь этой цели.

Его целью было привести Силезию (захваченную Пруссией у Австрии в результате Войны за австрийское наследство в 1740–1748 гг. – *Ред.*) в безопасную гавань прочно гарантированного мира (закрепив захваченное. – *Ред.*).

Стоя во главе небольшого государства, во многих отношениях сходного с другими государствами и превосходящего их только в некоторых областях административного управления (армия Фридриха II достигала почти 200 тыс. человек, будучи самой большой в Западной Европе, при относительно небольшом населении), он не мог стать Александром Великим, а на месте шведского короля Карла XII (1682–1718, король с 1697) также разбил бы себе голову (имеется в виду вторжение Карла XII в Россию в 1708–1709 гг., закончившееся гибелью шведской армии при Полтаве). Поэтому в его способе ведения войны видна контролируемая сила, всегда хорошо уравновешенная и никогда не испытывающая недостатка в энергии, которая в самые критические моменты возвышается до потрясающих поступков, а в следующий момент снова спокойно парит, подчиняясь требованиям самых тонких поворотов политики. Ни тщеславие, ни жажда славы, ни месть не смогли заставить Фридриха II отклониться от своего курса, и только этот курс привел его к счастливому исходу борьбы. (Если бы не смерть царицы Елизаветы, после чего наследовавший ей поклонник Фридриха Петр III вернул своему кумиру все завоевания русского оружия, прусского короля ждал печальный конец. – *Ред.*)

Можно ли предположить, что все тактические маневры Фридриха II Великого могли быть осуществлены без большого сопротивления его военной машины? Может ли ум полководца управлять армией столь же легко, как землемер – астрольбией? Разве зрелище страданий голодных, жаждущих и страдающих боевых товарищей не разрывает тысячу раз сердца полководца и его генералов? Разве ропот и сомнения, их вызывающие, не достигают его уха? Хватило бы мужества у заурядного человека требовать от армии таких жертв, и разве такие действия не привели бы к деморализации армии, не подорвали бы дисциплину и, в свою очередь, воинскую доблесть, если бы все это не компенсировалось твердой уверенностью в величии и непогрешимости?

мости полководца? Вот к этому мы должны питать уважение; этими чудесами исполнения мы должны восхищаться. Но все это невозможно понять до конца, не имея практического опыта войны. Тот, кто знает войну и военное дело только по книгам или упражнениям на плацу, не может осознать весь эффект этого противовеса в действии; *поэтому мы умоляем его принять на веру все, что он не способен получить из собственного практического опыта.*

Моральные качества и воинская доблесть

Моральные качества формируют силу духа, и это пронизывает все существо войны. Они имеют большое сходство с волей, приводящей в движение и руководящей всей массой материальных сил и средств.

Дух и прочие моральные свойства армии, генерала или правительства, настроение провинций, в которых бушует война, моральное воздействие победы или поражения – это данные сами по себе очень разнородные. Они могут оказывать самое различное влияние в зависимости от своего отношения к преследуемой нами цели и к обстановке, в которой мы находимся.

Хотя в книгах об этих вещах сказано мало или ничего, они все же относятся к теории искусства войны, как и все, что составляет войну. В каждом правиле, имеющем отношение к физическим силам, теория должна учитывать ту долю, которая может выпасть на моральные силы, иначе она опустится до категоричных положений, то слишком робких и сжатых, то слишком догматичных и широких. Даже самые бездушные теории бессознательно оказались вынужденными перенестись в царство морали: как, например, объяснить действие какой-либо победы, не принимая во внимание ее моральное воздействие? Поэтому большая часть явлений, которые мы будем рассматривать в этой книге, состоят наполовину из физических, наполовину из моральных причин и следствий. Можно сказать, что физические явления подобны деревянной рукоятке, тогда как моральные представляют собой отточенный клинок, выкованный из благородного металла.

Ценность моральных и духовных качеств и их зачастую невероятное влияние лучше всего подтверждается историей, и это самая щедрая и чистая пища, которую ум полководца извлекает из нее. В то же самое время следует заметить, что доказательства, критические исследования и ученые трактаты имеют меньшее значение, чем впечатления и единичные вспышки искр ума, сеющие семена мудрости.

Главные моральные и духовные силы – это *талант военачальника, воинская доблесть армии, национальное чувство*. Никто не может сказать, какая из них, в общем, наиболее важна, потому что очень сложно сказать что-нибудь о значении каждой порознь, но еще труднее сравнить значение одной по отношению к другой. Лучший выход – не пренебрегать ни одной из них.

Несомненно, в наше время армии достигли равного положения в отношении дисциплины и боевой готовности, и ведение войны, как сказали бы философы, приобрело естественную форму и превратилось в метод общий для всех армий. Поэтому теперь от полководцев нечего ждать применения специальных приемов военного искусства. Следовательно, нельзя отрицать, что при нынешнем положении дел большее влияние приобретает национальный дух и боевой опыт войск.

Национальный дух армии (энтузиазм, фанатическое рвение, вера, убеждения) больше всего проявляется в войне в горах, где каждый, до последнего солдата, предоставлен сам себе. Поэтому гористая местность – лучшая арена борьбы для народного ополчения.

Опыт, приобретаемый армией на учениях, и то закаленное мужество, сплывающее отдельные отряды как бы в один слиток, ярче всего проявляются в открытом поле.

Талант полководца больше проявляется в боях на пересеченной, холмистой местности. В горах у него слишком мало влияния на отдельные колонны, и руководить ими он уже не в силах; на открытых равнинах это проще и не истощает его сил.

Действия полководца должны опираться на эти неоспоримые, тесно соприкасающиеся друг с другом моменты.

Воинская доблесть армии отличается от простой отваги и еще более от воодушевления делом, за которое ведется война. Отвага, безусловно, является необходимой составляющей, но она, хотя и является природным даром некоторых людей, может воспитаться на войне у солдата армии благодаря привычке и упражнениям и тогда принимает иное направление, чем у других людей. Она теряет порыв к необузданной деятельности и проявлению силы, характерным для отдельного человека, и подчиняется требованиям высшего порядка: послушанию, порядку, правилам и способу ведения войны. Воодушевление делом оживляет воинскую доблесть армии и усиливает ее пыл, но не является необходимой ее составляющей.

Война есть особенное занятие, но, как бы широко ни распространялись ее интересы, даже если призванное в армию все мужское население страны, способное держать оружие, имеет к ней призвание, она все равно остается делом, обособленным от прочих видов человеческой деятельности. Проникнуться духом и содержанием этого занятия, развить и пробудить в себе способность приспособливаться к силам, действующим в нем, полностью осознать его разумом, научиться добиваться в нем уверенности и быстроты, быть полностью преданным ему, превратиться в исполнителя той роли, которая тебе отведена на войне, вот в чем проявляется в каждом солдате *воинская доблесть армии*.

Сколько бы трудов ни было приложено для того, чтобы соединить в одном человеке качества солдата и гражданина, и как бы ни старались представить войну общенациональной, никто никогда не сможет устранить профессиональное разнообразие военного дела; а раз это так, то те, кто этим делом занимается и пока они этим занимаются, всегда будут смотреть на себя как на своеобразную корпорацию, в правилах, законах и обычаях которой и фиксируются факторы войны. И это факт. Было бы ошибкой смотреть свысока на этот корпоративный дух («*esprit de corps*»), который может и должен существовать в большей или меньшей степени в любой армии. В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух является связующим средством между природными силами, образующими воинскую доблесть. На корпоративном духе быстрее нарастают кристаллы воинской доблести.

Армия, сохраняющая свой обычный боевой порядок под интенсивным огнем, никогда не поддающаяся панике, перед лицом настоящей опасности борющаяся за каждую пядь поля сражения, армия, гордая своими победами, которая никогда не теряет чувства послушания, уважения и доверия к своим командирам даже после досадного поражения; армия, физические силы которой закалились в боях, привыкшая к лишениям и усталости, как мускулы спортсмена от упражнений; армия, которая рассматривает все свои труды как средства достижения победы, а не как проклятие, тяготеющее над ее штандартами, и которой всегда напоминает о ее долге и добродетелях короткий катехизис, состоящий всего из одного лозунга – лозунга о *чести ее оружия*, – такая армия наделена подлинным воинским духом.

Солдаты могут сражаться храбро, как вандейцы, и совершать великие дела, как швейцарцы, американцы или испанцы, не проявляя воинской доблести. Можно даже успешно действовать во главе регулярной армии, как это делали Евгений Савойский и Мальборо, не пользуясь ее поддержкой. Поэтому мы не вправе говорить, что без воинской доблести не может быть успешной войны; и мы обращаем на это особое внимание, чтобы не создалось мнение, будто воинская доблесть есть все и вся. Это не так. Воинская доблесть армии – это определенная моральная сила, которой может не хватать и влияние которой поэтому можно оценить, как можно рассчитать силу любого орудия.

Охарактеризовав ее таким образом, теперь мы обсудим, что можно сказать о ее влиянии и какими средствами можно ее приобрести.

Воинская доблесть для войсковых частей значит то же, что гений полководца для целого. Полководец может руководить лишь целым, а не каждой отдельной частью, а там, где он не может руководить частью, там должен руководить воинский дух. Полководец избирается согласно своей репутации и исключительным талантам, старших командиров крупных частей и соединений назначают после тщательной оценки. Но эта оценка становится менее жесткой по мере того, как чин становится ниже, и в той же самой мере все меньше и меньше принимаются в расчет индивидуальные способности. Однако этот пробел должна заполнить воинская доблесть.

Точно такую же роль играют природные качества собравшегося воевать народа: *отвага, находчивость, выносливость и энтузиазм.*

Эти качества могут заменить воинский дух и наоборот, и из всего этого можно сделать следующие выводы:

1. Воинская доблесть есть качество, присущее только постоянным (регулярным) армиям, но именно им она требуется больше всего. В народном ополчении ее могут заменить природные качества, которые проявляются там скорее всего.

2. Регулярные армии, воюющие с другими регулярными армиями, могут легче обойтись без воинской доблести, чем регулярные армии, воюющие с народным ополчением, поскольку в последнем случае войска более рассредоточены, а отдельные части больше предоставлены сами себе. Но там, где армия сосредоточена, гений полководца имеет большое значение и восполняет то, чего не хватает армии в моральном отношении. Обычно воинская доблесть становится тем нужнее, чем сложнее театр военных действий и прочие обстоятельства и чем раздробленнее силы.

Из этих истин можно извлечь только один урок: если армии не хватает воинской доблести, надо любыми способами попытаться как можно больше упростить военные операции или удвоить заботы об остальных сторонах военной организации, а не ожидать многого от самого названия постоянной армии.

Воинская доблесть есть одна из самых важных моральных сил на войне, а там, где ее не хватает, ее место занимает что-либо другое, например превосходство командования или *народный энтузиазм*, или же мы получаем результаты несовместимые с затраченными силами и средствами. Как много может сделать этот дух, это неподдельное богатство армии, эта переработка руды, превращающая ее в блестящий металл, мы видим на исторических примерах: македоняне под командованием Александра Великого, римские легионы под руководством Цезаря (и других), испанские войска под предводительством Александра Фарнезе (1545–1592, герцог Пармский, полководец и государственный деятель испанской монархии. В 1571 г. бился с турками при Лепанто. В 1578–1588 гг. подавил восставших в южных провинциях Нидерландов. Смертельно ранен в 1592 г. у Руана во Франции. – *Ред.*), шведы королей Густава II Адольфа (1594–1632, шведский король с 1611 г., крупный полководец и военный реформатор. Убит в ходе выигранного его армией сражения при Лютцене. – *Ред.*) и Карла XII, пруссаки Фридриха II Великого и французы Наполеона. Нужно намеренно закрыть глаза на все исторические доказательства, чтобы не признать, что потрясающие успехи этих полководцев и их величие в исключительно сложных ситуациях были возможны лишь с армиями, обладавшими этой доблестью.

Этот дух может исходить лишь из двух источников, которые могут породить его только совместно. Первый – череда кампаний и великих побед; второй – активность армии, доведенная до предельной черты. Только так солдат познает свою силу. Чем больше полководец требует от своих войск, тем вернее его требования будут исполняться. Солдат гордится как выполненной тяжелой работой, так и преодоленной опасностью. Зародыш доблести прорастет только на почве беспрестанной деятельности и напряжения, при условии, что его согревает солнечный

свет победы. Став *могучим деревом*, он сможет противостоять неистовым бурям неудач и поражений и даже праздной бездеятельности в мирное время – по крайней мере, некоторое время. Следовательно, воинская доблесть может *зародиться* только во время войны и под командованием великих полководцев, но, несомненно, может сохраниться в течение несколько поколений даже при полководцах средних способностей и в довольно значительные периоды мира.

Храбрость

Этот благородный порыв, с которым человеческая душа поднимается над самыми невероятными опасностями, на войне надо считать действенным принципом. Фактически, в какой еще области человеческой деятельности храбрость должна иметь права гражданства, если не на войне?

Давайте признаем, что на войне она имеет даже свои привилегии. Кроме учета пространства, времени и сил, мы должны отвести определенный процент и на нее, причем, если мы смеем противника, эти проценты будут добыты за счет его упущений. Таким образом, храбрость – это творческая сила. Это несложно продемонстрировать философски. Как только храбрость встречается с робостью, она имеет значительные шансы на успех, так как робость это уже потеря равновесия. И только когда храбрость встречается с осторожной предусмотрительностью, которая так же *отважна* и сильна, как и она сама, она попадает в невыгодное положение. Но это, правда, встречается редко. Из всего множества осторожных людей в мире подавляющее большинство осторожно из боязливости.

Чем выше чин, тем больше необходимость в том, чтобы храбрости сопутствовал рассудительный ум, чтобы это не был простой бесцельный порыв страсти; ведь с возрастанием чина все меньше стоит вопрос о самопожертвовании и все больше – о сохранении других и общего блага в целом. Там, где массам предписаны правила службы (что-то вроде второй натуры), полководцем должна руководить рассудительность, и в его случае личная храбрость в бою легко может обернуться ошибкой. И все же это прекрасный недостаток, и его не надо рассматривать в том же свете, что и другие недостатки. Счастлива армия, в которой часто проявляется преждевременная храбрость; это пышная растительность, которая говорит о плодородии почвы. Даже безрассудством, то есть бесцельной храбростью, пренебрегать нельзя. Только когда оно восстает против подчинения, когда оно с пренебрежением отклоняет приказы вышестоящей власти, его надо подавить, как опасное зло, не из-за него самого, а из-за самого акта неподчинения, потому что на *войне* нет ничего *важнее подчинения*.

Казалось бы, постановка разумной цели должна облегчить проявление храбрости и тем самым уменьшить ее подлинную цену, но на самом деле получается прямо противоположное.

Вмешательство ясных мыслей или общее превосходство ума лишает эмоции огромной части их силы. По этой причине храбрость проявляется тем реже, чем выше чин.

Почти всем полководцам, известным в истории как посредственности, не хватало решительности, когда они занимали высшие посты, хотя в своей предшествующей карьере они славились храбростью и решительностью.

В мотивах храбрых поступков, вызванных необходимостью, существуют различия. Необходимость бывает разной степени. Если она настоятельна, если командир, стремясь к своей цели, сталкивается с серьезными опасностями и принимает отважное решение, чтобы избежать других, столь же серьезных, тогда мы можем только восхищаться его решительностью, которая все же имеет свою ценность. Если молодой человек, чтобы продемонстрировать свое искусство наездника, скачет через глубокую расщелину, тогда он храбр; если он делает тот же скачок, преследуемый отрядом до зубов вооруженных турок, то он всего лишь решителен.

Хотя стратегия есть область деятельности лишь лиц высшего командного состава армии, все же храбрость, как и остальные военные доблести всех остальных членов армии, ей не

безразлична. С армией, принадлежащей отважному народу, где всегда культивировался дух отваги, можно совершать такие дела, которых не совершишь с армией, не знающей, что такое воинская доблесть.

Чем выше чин военачальника, тем больше в его деятельности преобладают ум, понимание и проницательность, оттесняя храбрость, являющуюся свойством темперамента, и по этой причине ее редко можно встретить в высших сферах, но тогда тем более она достойна восхищения. Храбрость, руководимая незаурядным умом, есть отличительная черта героя; она не заключается в прямом рискованном действии против природы вещей, в открытом пренебрежении законами вероятности, а в неукоснительном соблюдении сложного расчета, проделанного при выборе решения гением и интуицией с молниеносной быстротой. Чем больше храбрость окрыляет ум и проницательность, тем более широким будет взгляд и тем точнее результат, но, разумеется, всегда сохраняется положение: чем выше цель, тем большие опасности связаны с ее достижением.

Полагаем, что невозможно представить выдающегося полководца без храбрости, то есть человек не может стать полководцем, если у него нет врожденной храбрости, и поэтому мы рассматриваем ее как главное качество, необходимое для этой карьеры. Что остается от этого врожденного качества, развитого и в то же время умеренного образованием и обстоятельствами жизни, когда человек достиг высокого положения, – это уже второй вопрос. Чем больше сохранится в полководце этого качества, тем сильнее проявится его гений, тем выше будет полет. Риск всегда становится больше, но вместе с ним возрастают и цель, и результат.

И все же надо обратить внимание на одно очень важное обстоятельство.

Дух храбрости может существовать в армии или потому, что он присущ народу, или потому, что он рожден в результате успешных войн, руководимых способными полководцами. В последнем случае его вначале не будет.

В наше время вряд ли есть другие способы воспитать воинский дух народа, кроме как на войне, и обязательно под предводительством храбрых полководцев. Лишь война может противостоять изнеженности чувств, склонности искать удовольствия и комфорта, что является причиной вырождения народа, выросшего в процветании и поглощенного исключительно коммерцией.

Нация может надеяться занять прочное положение в политическом мире, только если народный характер и участие в настоящей войне взаимно поддерживают друг друга и находятся в постоянном взаимодействии.

Теперь немного поговорим о стойкости.

В этом разделе нашего труда читатель ожидает услышать об углах и линиях и находит, вместо этих обитателей научного мира, только самых обычных людей, которых каждый день встречает на улице. И все же автор не может решиться стать хоть на йоту больше математиком, чем этого, как ему кажется, требует от него предмет, и его не тревожит удивление, которое может выказать читатель.

На войне больше, чем где-нибудь в мире, все происходит не так, как мы ожидали, и вблизи выглядит иначе, чем на расстоянии. Как спокойно наблюдает архитектор за возведением строения, план которого он начертил! Врач, хотя и гораздо больше подвержен в своей работе значительному количеству случайностей, все же достаточно хорошо знаком с применяемыми им лекарствами и их действием. На войне все не так!

Здесь крупный полководец находится в постоянном водовороте ложной и правдивой информации, ошибок, совершенных из-за страха, небрежности, торопливости или упрямства, проявленного на основании ошибочных или правильных донесений, по злой воле или из истинного или ложного чувства долга, вследствие лени или переутомления. Словом, в водовороте случайностей, которых не мог предвидеть ни один смертный. Короче, полководец является жертвой сотни тысяч впечатлений, большая часть из которых имеет тревожную и лишь

меньшая часть ободряющую тенденцию. Долгий военный опыт позволяет ему быстро оценить эти явления; высокое мужество и твердый характер помогают твердо противостоять им, как скала противостоит ударам волн. Тот, кто поддастся этим впечатлениям, никогда не доведет до конца ни одно дело, и поэтому *твердое отстаивание* принятых решений, пока против них не появится решительных доводов, является необходимым противовесом. Вряд ли найдется хоть одна прославленная военная операция, которая осуществлялась бы без крайнего напряжения сил, трудов и лишений. И там, где физическая и моральная слабость человека заставляют его идти на компромиссы с самим собой, к поставленной цели может привести только огромная сила воли, такая *стойкость*, которая вызовет восхищение у настоящих и будущих поколений.

Численное превосходство

В тактике, как и в стратегии, это самый главный принцип победы, и мы его рассмотрим сначала в общих чертах, для чего позволим себе следующее объяснение.

Стратегия фиксирует место и время боя, а также численность войск, которые в нем участвуют. Этими тремя факторами во многом определяется исход боя. Если тактика провела битву и результат известен, будь то победа или поражение, стратегия может им воспользоваться в соответствии с великой целью войны.

Те указания, при помощи которых стратегия влияет на исход боя, давая ему те или иные установки, не так просты, чтобы их можно было охватить одним взглядом. Поскольку стратегия назначает время, место и силы, она может делать это многими способами, каждый из которых по-разному влияет как на результат боя, так и на его последствия. Мы познакомимся с ними постепенно, изучая вопросы, более тесно обуславливающие применение в ходе боя.

Если при рассмотрении боя отбросить все различия, обусловленные его назначением и обстоятельствами, вызвавшими его, и, наконец, если не учитывать доблесть войск, потому что это исходное качество, останется только голое понятие боя, то есть бесформенная битва, в которой мы ничего не различаем, кроме числа участников.

В данном случае это число и будет определять победу. Судя по числу других сопутствующих обстоятельств, которые мы отбросили, становится ясно, что численное превосходство в битве является лишь одним из факторов, приносящих победу. Следовательно, численное превосходство дает нам не все, и даже не самое основное, а лишь совсем немного, в зависимости от того, как сложатся остальные сопутствующие обстоятельства.

Но это превосходство имеет свои степени, его можно представить двойным, тройным и даже четырехкратным, и ясно, что, увеличиваясь, оно должно в конечном счете перевесить все остальное.

В этом аспекте мы допускаем, что численное превосходство – самый главный фактор, предопределяющий результат боя, только оно должно быть достаточно большим, чтобы перевесить все сопутствующие обстоятельства. Отсюда вытекает прямой вывод: *на решающем участке должно быть задействовано максимальное количество войск*.

Достаточна ли численность задействованных войск или нет, но в этой части сделано все, что позволяли средства. Это первый принцип стратегии и поэтому в общих чертах, как он здесь выражен, подходит для греков и персов, для англичан и маратхов, для французов и немцев.

Остается лишь различие в воинской доблести армий и в таланте полководцев, которые могут существенно разниться от армии к армии. Если мы рассмотрим военную историю современной Европы, мы не найдем ни одного примера, подобного Марафону⁶.

⁶ При Марафоне в 40 км от Афин (490 г. до н. э.) 10 000 афинян и 1000 платеев под предводительством Мильтиада разгромили иранский (персидский) десант (численность его преувеличивается, но обычно пишут, что ок. 20 тыс. По другим данным, иранцев было меньше, чем греков. (Примеч. ред.)

Фридрих Великий разбил 80 000 (66 тыс. – *Ред.*) австрийцев при Лейтене с войском численностью в 30 000 (40 тыс. – *Ред.*) человек, а при Росбахе с 25 000 (22 тыс. – *Ред.*) победил силы союзников (французы и австрийцы) численностью в 50 000 человек (43 тыс. – *Ред.*); однако это лишь единичные примеры побед, одержанных над противником, вдвое превосходящих по численности.

Мы считаем, что в наших условиях, как и им подобных, превосходство на решающем участке чрезвычайно важно и что в большинстве случаев оно имеет самое главное значение. Число войск на решающем участке зависит от абсолютной величины армии, а также от искусства ее использования.

Следовательно, первое правило заключается в том, чтобы начинать войну с максимально сильной армией. Звучит банально, но на самом деле это не так.

Чтобы показать, что в течение долгого времени численность войск ни в коем случае не считалась главным фактором, мы должны заметить, что в большинстве даже самых подробных историй войн XVIII столетия численность армий или не упоминается совсем, или упоминается между прочим. Ни в одном из этих трудов ей не придается особого значения.

Еще одно доказательство заключается в удивительной идее, которая будоражила умы многих критически настроенных историков. Согласно этой идее, существует оптимальная численность армии, «нормальная сила», а все, что ее превосходит, становится не пользой, а обузой.

И наконец, можно найти ряд примеров того, когда в бою или на войне не задействовались все доступные вооруженные силы, потому что численному превосходству не придавали того значения, которое оно имеет на самом деле.

Размеры абсолютной силы армии, с которой должна вестись война, определяются правительством. Хотя с этого определения начинаются реальные военные действия и оно составляет основную часть стратегии, все же в большинстве случаев полководец, который командует этими силами на войне, должен рассматривать их численность как заданную величину или потому, что у него не было возможности самому установить ее, или потому, что обстоятельства не позволили довести ее до нужного размера.

Поэтому ему не остается ничего, кроме как искусным применением данных ему вооруженных сил добиваться относительного численного превосходства на решающих участках даже тогда, когда абсолютное превосходство недостижимо.

Расчет пространства и времени оказывается самым важным для достижения этой цели – вот почему считается, что он охватывает почти все искусство использования военных сил.

Но расчет времени и пространства, хотя он до известной степени лежит в основе стратегии и, образно выражаясь, является ее насущным хлебом, все же не является ни самым трудным, ни самым решающим моментом.

Верная оценка своих противников, риск временно оставить перед самым их носом небольшие силы, энергия форсированных маршей, отвага внезапных атак, повышенная активность, которую в момент опасности проявляют великие души, – вот основа любой победы. Какое же они имеют отношение к способности точно рассчитать две такие простые величины, как время и пространство?

Гораздо чаще относительное превосходство, то есть искусное сосредоточение превосходящих сил на решающем участке, основано на верных оценках этого участка, на верном направлении, которое с самого начала было дано армии, и решимости, требующейся для того, чтобы пожертвовать не важным ради важного, то есть держать свои силы сосредоточенными подавляющей массой. Это характерные черты Фридриха II Великого и Наполеона.

Мы полагаем, что отвели численному превосходству место, которого оно заслуживает; его следует считать фундаментальной идеей и всегда стремиться к нему всюду и в первую очередь.

Но считать его по этой причине необходимым условием победы было бы полным непониманием нашего толкования, из которого можно понять значение численного превосходства в бою. Если мы соберем как можно большие силы, то создадим все необходимые условия; но только после оценки обстановки в целом следует принимать решение отказаться от боя из-за недостатка сил или нет.

Внезапность

Из содержания предшествующей главы, из общего стремления достичь относительного превосходства, следует еще одно стремление, которое, следовательно, должно быть таким же общим по своей природе: это внезапность действий против противника. Внезапность в той или иной степени лежит в основе всех действий, поскольку без нее трудно представить достижение численного превосходства на решающем участке.

Итак, внезапность есть средство достижения численного превосходства; но ее также следует считать самостоятельным принципом саму по себе из-за ее морального воздействия. Когда она в высшей степени успешна, в рядах противника растет смятение и ослабевает мужество; а до какой степени это увеличивает шансы на успех, свидетельствует множество примеров, больших и малых. Здесь речь идет не о какой-то особой внезапности, вроде неожиданной атаки, а о попытке различными мерами, и в особенности распределением сил, застать противника врасплох, что в одинаковой мере применимо и при обороне, а уж в тактической обороне играет особо важную роль.

Внезапность лежит в основе всех без исключения предприятий на войне, только в очень разной степени, в зависимости от природы операции и других обстоятельств.

Корни этого различия лежат в качествах и особенностях армии, ее командующего, а также в качествах и особенностях правительства.

Секретность и быстрота – два фактора, обеспечивающие внезапность; и они предполагают в правительстве и главнокомандующем огромную энергию, а в армии высокое чувство воинского долга. При изнеженности и разгильдяйстве бесполезно рассчитывать на внезапность. Но сколько бы всеобщим и неизменным являлось стремление к внезапности и как бы хорошо ни был известен ее эффект, приходится признать, что полной внезапности удастся добиться чрезвычайно редко; и это естественно. Мы бы создали ложное представление, если бы поверили, что в основном этим способом можно многого добиться на войне. Сама идея очень заманчива, но исполнение обычно крепко тормозится сопротивлением всей военной машины.

В тактике внезапность гораздо более обычное явление по вполне естественной причине: все время и пространство меньшего масштаба. Поэтому в стратегии она будет тем осуществимее, чем ближе стратегические меры находятся к области тактики, и тем труднее достижимой, чем выше они поднимаются, приближаясь к политике.

Редко бывает так, что одно государство застаёт врасплох другое, объявляя ему войну, или направление главного удара было для противника неожиданным. В XVII и XVIII столетиях, когда война в значительной степени заключалась в осаде крепостей и городов и в теории военного искусства даже была специальная глава о внезапном блокировании крепостей, неожиданное окружение укрепленной крепости случалось не часто, но даже это редко удавалось.

С другой стороны, если дело может быть сделано за день или два, возможно внезапно напасть на врага на марше и благодаря этому перехватить какую-нибудь позицию, какой-нибудь пункт, коммуникации и т. д. Но ясно, что если внезапность в этом случае достигается легче, то ее эффективность слабее, потому что высокой эффективности от внезапных действий добиться трудно. Тот, кто считает, будто с помощью внезапных боевых действий мелкого масштаба он может добиться великих результатов, например победить в бою, захватить важный склад, верит в то, что, безусловно, очень возможно вообразить, но чему нет свидетельств в

истории. (Есть, но не так много. Например, Невская битва 15(21) июля 1240 г., где новгородский князь Александр с небольшим войском внезапно на рассвете напал на высадившихся в устье Ижоры шведов (5 тыс.) и полностью разгромил их, потеряв лишь 20 воинов (шведы потеряли 200 знатных воинов, а прочих «без числа»). Так юный князь Александр стал Невским. – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.